

«УХОД В ПУСТЫНЮ» В ДРЕВНЕРУССКОЙ И СТАРООБРЯДЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ (на материале северно-русской агиографии и старообрядческих сочинений)¹

... и страх смерти нападе на мя, боязнь и трепет
прииде на мя, и покры мя тма и рех: кто даст мне
крилк яко голуби[не] и полешу, и почию, и удалихся,
бѣгая и водворихся в *пустыни*², чаях Бога, спасающаго
мя от малодушия и бур[и]...³

Пс. 54

«Уход в пустыню» – мотив библейский, ветхозаветный. Пророки уходили в пустыню, чтобы слышать «глас Господень» – наедине беседовать с Богом⁴. Нет более поэтичных строк о пустыне, чем в Псалтири – книге, широко используемой в богослужении (церковном, келейном, домашнем), активно цитируемой в агиографических памятниках. Пустыня – «пусто место», где уединение, скудное пропитание, молитва, бдение и безмолвие «попалляли» все страсти, умерщвляли плоть и только желание быть с Богом никогда не насыщалось: «...возжада Тебе душа моя коль множицею Тебе плоть моя в земле *пусте и непроходне и безводне*, тако во святем явихся Тебе, видити силы Твоя и славу Твою»⁵. В Евангелии «пустыня» и «пусто место», часто тождественные понятия, встречаются неоднократно. Иоанн Предтеча, называемый «ангелом пустыни», облачился в одежду из верблюжьего волоса, вселился в пустыню Иорданскую, «...яды акриды и мед дивий»⁶. Сам Господь был взят Духом в пустыню: «и бе ту в *пустыни* днии четьырдесяте, искушаем сатанюю, и бе со зверьми, и ангелы служаху Ему...»⁷. Традиционно евангельская пустыня – место молитвы (так, Иисус Христос «и оутро нощи

¹ Исследование выполняется при финансовой поддержке РГНФ, проект № 96-01-00175.

² Курсивом выделено слово «пустыня», тождественные и близкие к данному понятию слова и словосочетания, дающие характеристику пустынножительству...

³ Цитаты из псалмов даются по изданию: Псалтирь. М., Печ. двор, 05.01.1640 (НБ УрГУ XI.148 II / 3550).

⁴ Авраам (Быт. 12), Моисей (Исх.33, 34), Илия (3 Цар. 17, 3–7; 19, 4–15) и др.

⁵ Пс.62.

⁶ Мф.14. Здесь и далее евангельские цитаты приводятся по изданию: Святое Евангелие. СПб., 1874...

⁷ Мр.1, 12–13.

супе зело, встав изыде, и иде в *пусто место*, и ту молитву деяше...»⁸), и место отдыха («приидите вы сами в *пусто место* едине и почийте мало»⁹, – советует Христос ученикам), и проповеди (Иоанн Креститель, называсмый, по слову пророка Исайи, «гласом, вопиющим во *пустыни*»¹⁰, проповедовал «в *пустыне* Иудейской... глаголя покаятися»¹¹). Так, Господь проповедовал в пустыне Царство Небесное и совершал чудеса по насыщению нескольких тысяч людей, словно воскрешая времена Моисея, когда израильский народ был питаем манной в пустыне. «Откуда нам в *пустыни* хлебы толицы, яко да насытитися толикий народ?» – вопрошали апостолы и видели потом, как семью (в другой раз – пятью) хлебами и четырьмя (в другой раз – двумя) рыбами насытились тысячи людей¹².

Свое дальнейшее развитие тема пустынноческой аскезы получает в житийной и патериковой литературе. Ни один житель пустыни не избегал бесовских искушений и мечтаний, но, претерпев все, нередко устаивался беседы с Богом или ангелами, служения зверей пустыни. Так, Макарий Великий имел ангела собеседником, принимая его за юношу-путника¹³; св. Антоний был наставляем ангелом в чередовании рукоделия и молитвы; был питаем вороном в пустыне прп.Павел Фивейский, а по кончине святого пришли два льва, чтобы вырыть пустынноцу могилу¹⁴, – список таких «пустынных чудес» можно продолжить. Само монашество начиналось с отшельничества¹⁵. Хотя уже среди первых христиан были явлены примеры пустынноческого жития, тем не менее традиционно основателями пустынножительства считаются свв. Павел Фивейский и Антоний Великий (IV в.).

На Руси первые иноки (митр. Иларион, преп. Антоний, преп. Феодосий и другие Киево-Печерские отцы) селились в пещерах и жили как отшельники, скудно питаясь и сильно измождая свою плоть: «А иже испрва житие их в *пещере* и елико скърби и печали приыша, *тесноты ради места того* Богу единому съведущу, а устом человеческом не мощно исповедати... К сим же и ядь бе ръжан хлеб токмо, и вода...»¹⁶.

Монашество всегда тяготело к отшельничеству, лучшие его представители искали «внутренней пустыни». Вспомним, какие большие монастыри произросли из пустыней, основанных прпп.Антонием Печерским,

⁸ Мр.1, 35.

⁹ Мр.6, 31–32.

¹⁰ Исайя. 40, 3.

¹¹ Мф. 3, 1–2.

¹² Мф. 15, 33–38; Мр. 8, 2–9; Лк. 9, 12–17; Ин. 6, 9–13.

¹³ «Извещение от ангела Божия отцу нашему Макарию о тайнах Божиих» широко распространено в поздней рукописной традиции старообрядцев на Русском Севере и на Урале. Например, НБ УрГУ. XV.177р /1147. Л.210–220.

¹⁴ Введение // Жизнь пустынных отцев. Творение пресвитера Руфина. Издание Свято-Троицкой Лавры, 1898. Л. XV–XXXIII.

¹⁵ Голубинский Е. История Русской Церкви. М., 1997. Т.2. С.603.

¹⁶ Житие Феодосия Печерского // ПЛДР XI-нач. XII в. М., 1978. С.330.

Зосимой и Савватием Соловецкими, Кириллом и Ферапонтом Белозерскими, Сергием Радонежским. В пустынях возводились церкви, умножалась братия, в чем непосредственно проявлялась русская Соборность. К примеру, в Житии Феодосия Печерского в похвалу святого Нестор пишет следующее: «...испыльнен Духа Святааго, темже и Божия таланта умножив, иже населив *место* множеством чьрноризьц, *иже пусто суще...*»¹⁷.

Пустыни явились своеобразным освоением земель, колонизацией пространства¹⁸, пусть не осознанной, так как подвижники радели прежде всего о спасении своей души. Большая часть святых на Руси в XVI – XVII вв. – пустынножители. Поморский Север с его практически незаселенными пространствами лесов и болот – «*места пусты и непроходны*» – приманивал к себе души, устремленные к сугубому подвигу. Так, прп.Трифон Печенгский (ум.1583), с детства возлюбивший пустынное уединение, укрывается в «*непроходных местах*» Мурманского острова, «яко птица особящая» (Пс.101). Подвиг св.Трифона как пустынножителя сопряжен с проповедничеством¹⁹. Должно быть, не случайно агиограф в предисловие «Жития Трифона» вводит образ Моисея («Моисей, великий во пророцех и законодавец ... открывый дно морю и безводную землю напоивый водою...»²⁰), выстраивая параллель к подвигу благовестия св.Трифона. Глас Господень, услышанный прп.Трифоном в пустыне, повелевает ему идти «*в землю необетованную и не в путную, жаждную, по ней же не исходил муж и не обита человек...*»²¹. «Что есть земля жаждная и непроходная, сущая ли земля или языческие народи, жаждущия евангельския тайны Благовестия», – задается святой вопросом и отправляется на приморье «Великого моря-окияна» «благовествовать среди дикой лопи»²². «Бездомно и безкровно» скитаясь по лопарской земле, «странствуя в *пустыни* ... окрест реки ... Печенги *по лесам и горам, и в пропастях земных*»²³, святой испытал нападение бесов и «всяких пустынных страшилищ», особенно «кебунов... отлученных диавольских слуг»²⁴, живших среди лопи.

Призвание пустытника – освятить молитвой, подвигом воздержания (чистой) нечистое первоначально пространство (остров, лесной участок), заселенное бесами или диким, еще не просвещенным христианским

¹⁷ Житие Феодосия... С.359.

¹⁸ Будовниц И.У. Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV–XVI вв. (По житиям святых). М., 1966.

¹⁹ Об этом подробнее см.: Полетаева Е.А. Художественное своеобразие «Жития преп.о.н. Трифона, начальника и Печенского чудотворца, лопарский язык просветившего святым крещением» – памятника агиографии Русского Поморья XVII в. // Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры: Сб. ст. Сыктывкар, 1996. Т.2. С.234–237.

²⁰ РГБ. Солов. собр. 188. Л.1.

²¹ Там же. Л.2 об.–3.

²² Там же. Л.3 об.

²³ Там же. Л.5.

²⁴ Там же.

светом народом. В Житии Трифона «непроходная земля» символизирует языческий народ (камни, из которых Господь созидает чад Аврааму). Иной раз в житиях имеет место Божественное знамение (огненный столп, церковь, икона или крест в небе), указывающее на место, где следует построить церковь, основать пустынь (например, в Житиях Зосимы и Савватия²⁵, Мартирия Зеленецкого и Елсазара Анзерского²⁶).

Этикетным моментом, часто используемым агиографами, было указание на богоизбранность святого в его подвиге пустынножительства. Так, блаженный Илия, живший «в наземной куче на Кулишках», увидя св. Никодима, обратился к нему со словами: «Хозьюгский пустынный пришел!»²⁷, хотя к тому времени Никита (мирское имя Никодима), не помышлял не только о пустыне, но даже и о монашестве. Св.Мартирий Зеленецкий, составляя свою автобиографию, указывает, что он «не своим произволением, но Божиим благоволением и Пречистыя Богородица помощением вселился в ...пустыню»²⁸. О своем призвании пустынножители узнают также по особому возгоранию сердца: «Сие первое о пустынножителех слышание (рассказ о пустынножителе Андрее, бывшем труднике Соловецком.— Е.П.) вниде Дамиану во уши. И от того времени воскипех сердце его, еже водворитися с пустынножителем: яко же елень желаше источников водных, тако он чуднаго сего вышеестественнаго жития...»²⁹ Так, прп. Трифон Печенгский, услышав на утрени слова «пустынным живот блажен есть», «Божественным рачением воскриляющимся, от того часа возлюбил ...пустыню и начат моления ради от родителей отлучатися по непроходным местам, не радея о зиме и зное, и иных пустынных страхований»³⁰. Мартирий Зеленецкий, желая «поискуситися в пустынном жителствии», услышав о видении учеником Авраамием креста «звездами» над Зеленецким островом, почувствовал, как «великий пламень в сердцы возгорес ...»³¹.

К середине XVI в. пустынночество становится явлением распространенным, особенно на Русском Севере, что объясняется не только и не столько потребностями хозяйственного и культурного освоения земель, сколько популярностью исихазма, предполагавшего безмолвие и уединение ради непрестанной молитвы. На практику массового строительства пусты-

²⁵ НБ УрГУ. XX.88р/5411(II).

²⁶ Тексты опубликованы в кн: Крушельницкая Е.В. Автобиография и житие в древнерусской литературе. СПб., 1996.

²⁷ Житие Никодима Кожеезерского. Пролог. СыктГУ. У-Ц. 276р. Л.118.

²⁸ Автобиографическая повесть Мартирия Зеленецкого // Крушельницкая Е.В. Автобиография ... С.288.

²⁹ «Повесть о Андрее, пустынножителе, како травю и водою питашеся». См.: Повести о пустынножителех Соловецкого острова // Устные и письменные традиции в духовной культуре Севера. Сыктывкар, 1989. С.172.

³⁰ РНБ. Солов. собр. 188. Л.2 об.

³¹ Автобиографическая повесть Мартирия Зеленецкого // Крушельницкая Е.В. Автобиография ... С. 312.

ней реагирует даже Стоглав, включающий Правила 6-го Вселенского Собора (41 и 42), запрещающие епископам давать благословение на основание пустыни людям, «неискусным суще»³². Среди вопросов о «церковных нестроениях» между прочим поднимается тема «о новых пустынях»: «...старец на лесу келью поставит, церковь срубит да пойдет по миру с иконою просити на сооружение ... а что собрав, то пропьет, а в пустыне не по Бозе совершает как прежние пустыни о Бозе строили. Прежние преподобные отцы вселялися в пустыни, утаяся миру, не тщеславия ради, и великия труды полагали руками своими, и от бесов мнози беды подъяша... А по миру не скиталися на соблазн...»³³. Кроме «соблазна» смутить других или вызвать осуждение, уединившимся самочинно грозила опасность впасть в прелесть. В Житии Александра Ошевенского³⁴ на прошения инока Александра «обрести место», чтобы «в пустыни и безмолствовати и трудитися», игумен предупреждает об опасности такого пути и напоминает о преимуществе пути общежительного: «...неподобно убо есть неутвердившесю ногу на корени правого пути степени общаго жития послушанием верьха молчания и единства касатися»³⁵, и далее – «горе единому, аще впадет в уныние или сон... во обители живуще братия друг друга укрепляют, егда случится недуг или скорбь... брат лекарство приготовит и поднимет тебя и послужит тебе... и братия вси соборне о тебе Бога молят...»³⁶. Прозорливые духовники будущих пустынников, как правило, сразу обнаруживают в них Божию благодать и вскоре удовлетворяют их просьбу. Так случилось и с прп. Александром Ошевенским, отпущенным игуменом в пустыню. В агиографических памятниках момент благословения на «пустынное жительство» является этикетным. Он был обязательным и в реальной жизни. Св. Пикодим вопрошает «о пустынном пребывании» своего духовного отца митр. Крутицкого Пафнутия, который, «зело любя» святого «послушания ради и смирения», долго молит не покидать его, но, рассмотрев «боголюбивый прав и непреложное мудрование» своего келейника, решает отпустить, «духовне наказав» и благословив³⁷.

Однако случаи самовольного ухода иноков в пустынные места и другие негативные моменты «жития в пустыне», о которых упоминал, в частности, Стоглав, редко (так как жития призваны рассказать об идеальном герое и его идеальном подвиге), но встречаются и в агиографических источниках. Так, в Житии Никодима Кожеозерского пространной редакции есть рассказ о некоем Феодосии, прожившем со св.Никодимом в пустыне 2

³² Стоглав // Российское законодательство X–XX вв. М., 1985. Т.2 . С.362.

³³ Там же. С.272.

³⁴ НБ УрГУ, XI.26р/1276.

³⁵ Там же. Л.30.

³⁶ Там же. Л.30 об.-31.

³⁷ РНБ. Солов. собр. 182/182. Л.35–35 об.

года, но вскоре захотевшем уединиться в «дальчайшую пустыню», чему старец Никодим «возбранился». Но Феодосий, имея «невоздержанный нрав и своевольное произволение», все же удаляется в пустыню, находящуюся на расстоянии 5 поприщ от Никодимова жилища, и там прельщается диаволом. Агиограф таким образом повествует о прельщенном иеромонахе: «...и паде в вещи неудобь постижные, созда убо себе жертвенник и начат в нем литоргисати един божественную службу в том неосвященном храме. Последи же убо уведано бысть то его неугодное дело игумену и всей братии и того ради вскоре изгнан бысть вон из *пустыни* тоя»³⁸.

Следует отметить, что бегство в пустыню как массовое явление усиливается в периоды государственных неурядиц (например, Беликой Смуты, раскола). Домиян (мирское имя Диодора Юрьевского) встречается с иноком Тимофеем, который свой уход в пустыню объясняет так: «И егда же бысть грех ради наших попусщением Божиим Московское государство в расстройении, и как объявился росстрига и воздвиже во всей России мятеж, и аз, видех такое нестроение и мятеж, оставль родителей своих и все свое, и пришед *ко острову* сему. И в малой // людейцы преплых, достигох *пустыни* сей, и сотворих себе хижину и водворихся тамо»³⁹.

Уход в пустыню как полное отречение от мира и его страстей сыграл решающую роль в старообрядчестве, явившись выходом из сложившейся ситуации раскола и гонений, за ним последовавших. До сих пор исследователи вполне правомерно говорили о роли в формировании старообрядческих взглядов как украинских и белорусских полемических текстов (сочинений Ивана Вишенского, Стефана Зизания, Захарии Копытенского, игумена Нафанаила)⁴⁰, так и публицистических и полемических сочинений Смутного времени⁴¹. Однако вопрос о влиянии северно-русских пустынно-чeskих агиобиографий и укоренившейся практики строительства пустыней на формирование старообрядческой идеологии в исследовательской литературе только теперь начинает рассматриваться должным образом. В частности, в работах новосибирских исследователей прослеживаются пустынножителиские взгляды старообрядцев Выга и Урало-Сибирского региона⁴².

³⁸ РНБ. Солов. собр. 182/182. Л.52 об.

³⁹ Житие Диодора Каргопольского по списку БРАН. Арханг. собр. 260. Л.10–11 об. Благодарю Н.А.Петренко за предоставленную мне возможность ознакомиться с данным списком в машинописном варианте.

⁴⁰ Бубнов Н.Ю. Источники по истории формирования идеологии раннего старообрядчества: Автореф. дис... канд. ист. наук. Л., 1975; *Опарина Т.А.* Просветитель Литовский – неизвестный памятник идеологической борьбы XVII века // Литература и классовая борьба эпохи позднего феодализма в России. Новосибирск, 1987; *Робинсон А.Н.* Борьба идей в русской литературе XVII века. М., 1988.

⁴¹ *Демкова Н.С.* Сочинения писателей круга Аввакума и публицистика Смутного времени // Источники по истории народной культуры Севера. Сыктывкар, 1991. С.36–42.

⁴² *Покровский Н.Н.* Биография оренбургского казака. // Памятники литературы и общественной мысли эпохи феодализма. Новосибирск, 1985. С.135–164; *Куандыков Л.К.* Идеология общежителства у старообрядцев-беспоповцев Выговского согласия в XVIII в. //

Л.К.Куандыков, основываясь на уставах, используемых на Выге, полагал, что выговские отцы опирались «на ранние пустынножительные авторитеты», создавая свою идеологию пустынножительства, которая стала «важнейшим рычагом социального управления в отношении со скитами»⁴³. Не случайно во всех сочинениях Андрей Денисов пустыню называет «весь Суземок, где живут общежители Выга и Лексы, обитатели скитов и мирских деревень и несколько монахов пустынников», утверждая, что «церковь истинная побеже в пустыню»⁴⁴. Исследователь, подробно изучив монастырские уставы Выговской пустыни, пришел к интересному выводу о том, что «братья Денисовы создали новую, неизвестную Православию степень христианского жития ...где легко уживались монашеский устав и семейная жизнь»⁴⁵.

Важно добавить, что монашеский устав и семейная жизнь сосуществовали в условиях пустыни, вне мира, поэтому от насельников пустыни требовалось соблюдение самых строгих аскетических правил. Семейная жизнь преломлялась в свете учения о грядущем конце света. Так, в своих «нравоучениях» отец-настоятель Выговской пустыни Андрей Денисов, по воспоминаниям Ивана Филиппова, учил «... от грехов и страстей удалиться, и от грехопадных мест отбегати, покаянием же себя очищати, и чисто и целомудренно жити, блуда бегати, скверн плотских удалиться ...»⁴⁶. Основателям согласия «догмат о безбрачии и абсолютной девственности не казался бессмысленным ... в ожидании близкого конца света»⁴⁷.

В «Поморских ответах» выговские отцы, отвечая на вопросы иеромонаха Неофита, указывают, что свои догматы они строят на особом «пустынническом учении», и постоянно пытаются подчеркнуть традиционность своих взглядов, основанных на авторитетных источниках: «не догматы свои смышлены нововписаном» и «не за своевольная предания утверждаемса, но таковая древлеправославная церкве предания содержим»⁴⁸. «Новые пустынники» скрываются от «никоновых новин» в «пустыни и скиты, и ненаселенные места древлеправославныя церкви» единственно для того, чтобы «по старопечатным книгам славословие Богу приносити»⁴⁹. В защиту «бегства в пустыню» приводится изречение Афанасия Великого: «Такожде и по пустыням ... угодницы Божии спасахуся, якоже Афанасий

Источники по культуре и классовой борьбе феодального периода. Новосибирск, 1982. С.87–101; *Мальцев А.И.* Неизвестное сочинение С.Денисова о Тарском «бунте» 1722 г. // Источники по культуре и классовой борьбе феодального периода. Новосибирск, 1982. С.224–242.

⁴³ *Куандыков Л.К.* Выговские сочинения XVIII в. о скитском житии // Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма. Новосибирск, 1990. С.30–37.

⁴⁴ Там же. С.30.

⁴⁵ Там же. С.35.

⁴⁶ *Филиппов И.* История Выговской старообрядческой пустыни. СПб., 1862. С.215.

⁴⁷ *Куандыков Л.К.* Выговские сочинения... С.36.

⁴⁸ НБ УрГУ. VI.180р/1298. Л.23 об.

⁴⁹ Там же. Л.24–25.

глаголет: сии суть, иже в пустынях и горах, и в вертепах, и в разселинах земли живуще, и иже кроме собрания церковнаго дела благами, Божественным Духом просвещаемы... такожде и в пустынях пребывающе тако благоугождаху Богу...»⁵⁰. Сама же Выговская пустынь, основанная в 80-х гг. XVII в., явилась преемницей в догматике, обрядах и уставе Соловецкого монастыря, откуда в начале XVII в. вышла плеяда святых пустынножителей⁵¹. Не случайно Выговскую пустынь благословил соловецкий инок Корнилий, в свою очередь получивший благословение пустозерских узников. Среди последних был Епифаний, соловецкий инок и пустынножитель. Соловецкие отцы « до забору Соловецкой обители великаго и чюднаго жития и книжные премудрости и разума, яко губа воду в себе почерпе, иже во все Олонецкие и Каргапольские страны во православия догматах древлеотеческия стояти утверди, и непроходимые пустынные дебри благочестивыми насади жителями ...»⁵². Соловецкий монастырь, где идеи пустынножительства были чрезвычайно сильны⁵³, сыграл большую роль в становлении идеологии старообрядчества. Поэтому « в деле защиты старой веры через соловецких выходцев, проповедавших старообрядчество в Поморье, Выго-лексинское общежительство считало себя непосредственным преемником Соловецкой обители...»⁵⁴.

В первых старообрядческих автобиографиях уже начинают прослеживаться черты пустынножеских житий. Так, по благословию Аввакума Епифаний составляет свою биографию, которая в первой части строится по типу «пустынножеской», где подробно описывается, как Епифаний подвизался в дальней пустыне на Суне-реке, на Виданьском острове (400 верст от Соловков). « А живя я в пустыне, сподобил мя Бог питатися от рукоделия ...», «... А в пустыни жити без рукоделия невозможно, понеже находит уныние и печаль, и тоска велика. Добро в пустыне – псалмы, молитва, рукоделие и чтения. Так о Христе Иисусе красно и весело жити. О, пустыня моя прекрасная!»⁵⁵. И во второй части жития, повествующей о страданиях (отрезании языка, обрубании пальцев) ради веры и пребывании

⁵⁰ НБ УрГУ. VI.180р/1298. Л.29 об.

⁵¹ Голоскова Н.А. Повести о пустынножителях Соловецкого острова // Устные и письменные традиции в духовной культуре Севера. Сыктывкар, 1989. С.173–185.

⁵² Филиппов И. История... С.27.

⁵³ Монастырским властям не раз приходилось разорять стихийно организованные пустыни близ Соловецкого монастыря. Так, в Житии Диодора Юрьегорского показан насильственный разгром пустынножителей при игумене Иринархе Соловецком (1614–1626). «Такая политика монастыря объясняется тем, что пустынножителями становились соловецкие иноки, составлявшие основу трудоспособного населения. Кроме того, земли, на которых они появлялись, были собственностью монастыря, закрепленной новгородской грамотой 1476 г.» См.: Севастьянова С.К. Сюжет и композиция «Свитка» Елсазара Анзерского // Исследования по истории литературы и общественного сознания феодальной России. Новосибирск, 1992. С.51.

⁵⁴ Юхименко Е.М. Почитание Зосимы и Савватия Соловецких в Выговской старообрядческой пустыни // ТОДРЛ. Т.48. СПб., 1993. С.351.

⁵⁵ Житие Епифания // Пустозерский сборник / Под ред. В.И.Малышева, Н.С.Демковой, Л.А.Дмитриева. Л., 1975. С.88–89.

в темнице и ссылке в Пустозерске, иногда пробиваются ностальгические переживания, связанные с воспоминаниями о пребывании в пустыне: «Монастырь оставих и в пустыне не жих! А колико ми в пустыни Исус Христос и Пресвятая Богородица чудес показали!»⁵⁶.

«История Выговской старообрядческой пустыни» Ивана Филиппова изобилует рассказами о пустынножителях. Однако это уже не пустынножители рубежа XVI – XVII вв., но другие пустынные отцы, ревностно ожидающие конца света и гонений, подчас сами провоцирующие правительственные службы на свое преследование (случаи с Палеостровским монастырем)⁵⁷. Из повествования явствует, что некоторые пустынножители еще до раскола подвизались в пустынях (не только на Севере, но и в нижегородских пределах), после примкнули к сторонникам «древлего благочестия», другие же во время «никоновых новин», покидая монастыри или семьи, уходили в леса: о. Пимен, например, выходец из Соловецкой обители, «исшед из монастыря, живяше приморе в пустыни великим постническим житием с Григорием учеником своим», к ним примыкает писарь Соловецкого монастыря Иоанн Захарьев, «крылся от Никоновых» новшеств⁵⁸. Отец Прокопий Нижегородский, «великаго пустынного жития муж», при «оных новинах (никоновских. – Е.П.) изыде из монастыря (Тихвинского. – Е.П.) и начат бегати и скитатися и прииде в Олонецкий уезд в Курженскую пустыню и ту мало поживе, и шед оттуду в нижегородския пустыни, и живяше с крыющимися и хранящими древлецерковное благочестие, поживе же и в Змиевых горах со старцы пустынными до разорения той пустыни»⁵⁹. Бывший игумен Тихвинского монастыря Досифей «такоже от Никоновых новин нача бегати и крытися и ту живяше (в Курженской пустыни. – Е.П.) время некос до разорения пустыни той ...»⁶⁰. Дьячок церковный Даниил Викулов, «убежа из дому в Поморскую страну и тамо по пустыням крылся, и скитаяся, всякую пужеду терпаше ...»⁶¹. «В Каргопольском и Олонецком уездах в дорах на Пормы в пустыни бысть собрание старец: Нижегородский Андронник... Иосиф Соловецкий, Михаил и Иоанн, некоторая мужа ревностная сперва живяху пустынным житием...»⁶². Отец Иосиф Ловзунский «пострижеся во иноческий образ еще при благочестии ...и живяше по монастырям, и во время Никоновых новин... нача крытися и удалятися, и скитатися где возможно, бегая по пустыням ... И нача поживати в пустыни, близ Водлы, меж Каргопольским и Олонецким уездами на пустом лесу пустынным,

⁵⁶ Житие Епифания. С.128.

⁵⁷ Robert O. Crumme. The old believers & the world of antichrist. Madison, Milwaukee and London, 1970. P.46–47.

⁵⁸ Филиппов И. История... С.28.

⁵⁹ Там же. С.128.

⁶⁰ Там же. С.129.

⁶¹ Там же. С.37.

⁶² Там же. С.65.

жестоким, нужным житием»⁶³. Петр Ошмар «от Никоновых новин» начал удаляться и уехал из Новгорода «тайно ношью» в Важеский уезд и «тамо найде в лесах живущих староверцев *пустынным житием* ... и нача с ними жити, службу им церковную служаху...»⁶⁴. Старец Сергей «пришед с поморской дороги и нача *жити* самым *пустынным нужным житием*, пахаше папню копорюгою, сеяше рожь»⁶⁵. Отец Корнилий «постави себе *малую келейцу* с плах колотых ...»⁶⁶. Старец Виталий «из московских дворян», принявший постриг еще при царе Алексее Михайловиче «... во время Никонова соборища, и пременения в России православныя веры, исшед из Москвы и живяше во Олонецких пределах несколько лет, прежде убо живяше на Водле реки... тамо его буйи люди и злии гонители христиан тако озлобиша, яко и келию его сожгоша», и убежал тогда через леса к острову, и стал жить в заброшенном Машезерском монастыре «в *пустынных келиях* один»⁶⁷.

«История Выговской старообрядческой пустыни» Ивана Филиппова показывает, что еще до появления Выголексинского общежительства территория Поморского Севера от Новгорода и Тихвина до Выга и Лексы и всего Обонежья и Каргопольских земель была местом расположения большого числа старообрядческих пустынь. Назревала необходимость создания крупного общежительства.

В советской историографии «бегство в пустыню», массовые самоожжения – гари, – монастырские восстания (Соловецкое, Палеостровское) объяснялись, как правило, социальным протестом и продолжением классовой борьбы против крепостного режима⁶⁸. «Уход в леса» как «народный вариант пустынножительства» зачастую рассматривался «как религиозное оправдание крестьянскому побегу от феодальной эксплуатации»⁶⁹ или как «уклонение» от тяжелых работ на заводах и рекрутской повинности⁷⁰. Однако в исследовательской литературе либо вовсе упускался, либо воспринимался в контексте идеологического оформления классового протеста момент, очень существенный для религиозного сознания христианина «последних времен». Вопрос о Евхаристии стал одним из главных вопросов последователей «древлего благочестия», как, впрочем, и вопрос о браке.

---

⁶³ Филиппов И. История... С.68.

⁶⁴ Там же. С.71.

⁶⁵ Там же. С.115.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Там же. С.118.

⁶⁸ Пихоя Р.Г. Общественно-политическая мысль трудящихся Урала (кон.XVII – XVIII вв.). Свердловск, 1987; Клибанов А.И. Народная социальная утопия в России. XVIII в. М., 1978. С.174–192 и др.

⁶⁹ Покровский Н.Н. Следственное дело и Выговская повесть о Тарских событиях 1722 г. // Рукописная традиция XVI–XIX вв. на востоке России. Новосибирск, 1987. С.57.

⁷⁰ Байдин В.И. Старообрядчество Урала и самодержавие. Кон.XVIII – сер. XIX вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1983. С.15.

Отделившись от церкви, старообрядцы лишились Таинств, главным образом Венчания, Исповеди, Причастия. Если крестить дозволялось всякому благочестивому мирянину, то иначе обстояло дело с Таинствами, которые обязан был совершать только священник. Пока староверы имели Запасные Дары и священников, рукоположенных до Никона, вопрос о Причастии не стоял так остро. Церковь после нововведений патриарха Никона, по мнению старообрядцев, утратила благодать, поэтому Святые Дары «новослужбные» считались не истинными. Вот, к примеру, как Иван Филиппов описывает бегство староверов от принудительного Причастия в «никоновских» церквях: «...инии бегаху по лесам и пустыням, крыющаяся от гонительства... не желали причащаться насильно, но нуждею приводимы причащахуся, а иным силою Причастие, Антидор, кляпы во уста покладаяюще, вливаху, инии аще приимаху, но во устех удерживаху не проглотивше и вышедше ис церкви, пометающе из уст плеваху на землю...»⁷¹. Идеология «пустынничества» позволяла дать утешительный ответ в вопросе о спасении вне Таинств Церковных, главным образом Причастия, через добродетельное житие, наилучшим образом проводимое в пустыне. Ссылаясь на биографии святых, долго пребывавших в пустынных местах и не имевших возможности «вкушать Тело Христово», староверы отмечали важную для себя мысль – возможность духовного и благодатного просвещения и спасения вне Таинства Причастия: преподобные мужи и жены «добродетельми свое житие украшающе таковы через веру и усердие духовне причащаются Тела и Крови Христовы...»⁷².

В старообрядческом анонимном сочинении «Извещение Святыя православныя веры»⁷³ содержатся выписки из житий святых, имевших опыт «духовного приобщения» без Причастия церковного: «Посем в житии Ануфрия повествуется. Вопросы Пафнутий отца Ануфрия: “Отче, откуда причащаешься пречистых Христовых Тайн в субботу и неделю?” Он же глаголя: “Ангел Господень приходит ко мне и приносит пречисты Христовы Тайны...”»⁷⁴. Там же упоминаются и другие святые пустыnnики и пустыnnицы, стяжавшие благодать без Причастия: «Мария Египетская 47 лет в пустыни живущи и Святых Тайн усты не причащающиеся чрез добрая дела присно благодати Божия причащаешься, и Христа внутрь себе имаше»⁷⁵; «Преподобная Феоктиста 30 лет во *острове* живущи, а устнама не причащаюшися, обаче благодать Божию присно в себе имаше»⁷⁶; «Преподобные Марк Фряческий и Петр Афонский, ов 95, ов же 53 лета в пустыни челове-

⁷¹ Филиппов И. История... С.37.

⁷² НБ УрГУ. XVII.67р/4019. Л.43 об.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Там же. Л.63.

⁷⁵ Там же. Л.43. 44 об.

⁷⁶ Там же. Л.44 об.

ка не видевшие и Евхаристии не имуще, обаче чрез высокое житие святое, сосуди вожделенные Богу и честнейшие паче всего мира явишася»⁷⁷; «Сице мнози пустынницы *далече от Вселенныя живуще*, церкви и священников не имуще, устнама Святых Тайн причастится не имаяху, обаче верою и житием добродетельным присно оных благодать имеяху»⁷⁸. Встречающееся в старообрядческих библиотеках Житие Аркадия⁷⁹ повествует о старце Аркадии, который подвизался в пустыне – *вертепе*, отстоящем в 7 поприщах от Синайской горы. Семь лет он провел в пустыне, искушаемый демонами. Однажды, «болезнуя и вельми скорбя, мня в себе како толико лет не причастился Тела и Крови Христа Бога нашего, и плакася о сем, въздыхая лежа на камени остре...»⁸⁰, он вспоминает о просфирах, данных ему иереем Иоанном перед тем, как идти в пустыню. Вода, в которой лежали просфиры, становится целебной, ею святой исцеляет слепого львенка. Перед смертью старец Аркадий принимает «Запасные Дары», выкопав себе в пустыне яму для погребения: «... [со ль]вичищем нача копати похты своими и ломати камень, и ископа яму велику вне вертепа, и потом просфиры потреби, и посла зверя на Иордан принести воды сосуд ...»⁸¹. В одном старообрядческом рукописном сборнике собрания НБ УрГУ имеется на сей счет любопытное высказывание, в котором, наряду с осознанием обездоленности из-за отсутствия Евхаристии, обнаруживается уверенность в том, что Господь может совершать все Таинства без посредства священства: «Еще нам поношение глаголите, что не ясте моя Плоти и не пиете Крови. О сем бо мы вельми соболѣзнуем и жадаем, яко же елень на источник водный, и сице жадает душа наша, но за неимение наше и недостатки надеемся на милосердие Божие... и вместо безчисленных иереев имеем единого архиерея Христа. Господь–причастник, Господь–исповѣдник и Господь пасет мя, и ничтоже мя лишит»⁸².

«Пустынное учение» стало спасительной идеологией во всепоглащающем царстве антихриста. На вопрос о том, «кои будут знамения ближняя перед Судным днем», составитель старообрядческого сборника дает следующий ответ: «... тогда человецы имут бежати *на горы и в пустыню*, и восплачутся, дабы горы пали и покрыли их, но не узрят сего...»⁸³. Отказавшись от Таинств Церковных, старообрядцы стали искать замену утраченной благодати. Таинства были заменены «деланием» – Исусовой молит-

⁷⁷ НБ УрГУ. XVII.67р/4019. Л.44–44 об.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Житие Аркадия. ИБ УрГУ. XI.32р/1171.

⁸⁰ Там же. Л.65.

⁸¹ Там же. Л.72.

⁸² ИБ УрГУ. XV.184р/1249. Л.5 об.

⁸³ ИБ УрГУ. XV.18р/60. Л.61.

вой»⁸⁴, «добродетельным житием и поклонением в Духе Святом», вместо Исповеди в практику староверов, главным образом, беспоповцев воплотило чтение «Скитского покаяния», дополненного различными видами спитий. Поучения святых и их жизнеописания, а также условия гонений и примеры совершающихся на глазах мучений вдохновляли и спланивали сторонников «древлего благочестия». На Выге и Лексе, по всему Поморью, где располагались многочисленные старообрядческие пустыни, собирались библиотеки, переписывались рукописи и создавались новые старообрядческие сочинения. О Выголексинском общежитии как о культурно-книжном центре было написано немало исследовательских работ. На наш взгляд, не случайно многочисленные старообрядческие сборники второй половины XVII – XVIII вв., территориально привязанные к Поморскому Северу, содержат тропари⁸⁵, каноны северно-русским пустынножителям и их биографии. Староверы искали «заступления и помощи» святых, традиционно почитаемых на Русском Севере (Зосимы и Савватия, Александра Ошевенского⁸⁶), а также последних («предраскольных») прославленных Русской Церковью пустынножителей (Диодора Юрьевского, Никодима Кожеозерского). Входит в бытование список святых⁸⁷, «умерших в древле-православном благочестии», завершающийся следующими преподобными отцами: прп.Иринархом Ростовским (ум.1619)⁸⁸; прп.Трифоном Печенгским и Кольским (ум.1619); прп.Боголепом Черноярским на Волге (ум.1632); преп. Диодором Каргопольским и Юрьевским (ум.1634); преп.Никодимом Кожеозерским (ум.1640). Прп.Никодим являлся действительно последним святым, который стал, на наш взгляд, для старообрядцев

⁸⁴ О замене некоторых церковных служб Исусовой молитвой подробно сообщается в Цветнике аввы Дорофея, широко бытовавшем в выписках и полном варианте в книжно-рукописной традиции старообрядцев.

⁸⁵ Например, РГБ. Собр. Барсова. 464; БРАН. Сев.470, содержащие тропари свв. Трифону Вятскому, Варлааму Керецкому, Диодору Каргопольскому, Никодиму Хозьютскому и др.

⁸⁶ Предисловие Жития Александра Каргопольского, составленное иноком Феодосием, проникнуто настроением грядущего конца времен: «Посети Бог люди своя в последнем роде нашем. Прояви Бог нашей стране северной Онежской земли, области града Каргополя близ Студенаго моря-окияна». См.: НБ УрГУ. XII.36р/1276. Л.3 об. Из описания Е.Барсова известно, что в Выголексинской библиотеке имелось несколько списков XVIII в. этого Жития. (Выг. 47, 48, 53). См.: Барсова Е. Описание рукописей и книг, хранящихся в Выголексинской библиотеке. СПб., 1874.

⁸⁷ Список российских святых входил в состав «Извещения святых правых христианских веры», а также бытовал отдельно. Составитель его призывает последовать подвигам святых, спасшихся еще при древлецерковных традиционных обрядах: «Тако же и мы все усердно последуем ко спасению в древлероссийской церкви многим святым спасшимся в несленных мощах просиявшим, двема перстами знаменующимся, тако и благословляющим и сугубая алилуйя поющим. Якоже и киих предлагаем ниже сего явственное показание имех» (л.92). Еще в списке оговаривается, что из-за множества святых здесь полагаются лишь самые знаменитые. См.: НБ УрГУ. XVII.67р/4019. Л.92–96.

⁸⁸ Иринарх Ростовский по житию продолжатель (после Александра Каргопольского) свято-русского подвижничества. Не случайно в видениях его посещает преп. Александр Каргопольский. В НБ УрГУ имеется список кон. XVII–нач.XVIII вв. См.: НБ УрГУ. VII.20р/171.

первого поколения как бы предвестником пустынножительства «конца времен». Не случайно в старообрядческой среде создается особая редакция жития этого святого, отличная от редакций – краткой и пространной, – созданных в Кожеозерской обители. В настоящее время она представлена в единственном олопецком списке XVIII в. В особой редакции главный акцент делается на отшельничестве преподобного. Московский период жизни святого дан в той же обрисовке, что и в других редакциях: мятежный мир столичного города «со страстями и похотями» олицетворяется в образе жены друга Никодима – блудницы и «зело прокудливой», из-за страсти к любовнику уморившей своего мужа. Отголосок этого мира как искушение в пустыне предстает прп. Никодиму в видении мертвой жены на берегу реки, оказавшейся в реальности «древом гнилым». Единственное существенное отличие особой редакции от первоначальных редакций в ее необычной концовке. Если в краткой и пространной редакциях св.Никодим умирает в монастыре, перед смертью причастившись, то в старообрядческом списке особой редакции он умирает в земляной яме, ничего «не ядый, ни пия» (см. Прил. I и Прил. II). На наш взгляд, олопецкий список Жития (см. Прил. II) представляет собой позднюю старообрядческую компиляцию двух редакций – краткой и пространной. Возможно, он «правился» не только для того, чтобы продемонстрировать путь крайней аскезы – «самоуморения», но и с целью лишний раз не упоминать Кожеозерский монастырь, связанный с именем патриарха Никона и принявший все его «нововедения». Тем более, что состав сборника, куда вошел данный список, имеет явно старообрядческую направленность. Пустынничеством, таким образом, в глазах староверов, не только начиналась, но и должна завершиться святость: «... до скончания века не оскудеют святии ... обаче в последняя лета скрыются от человек»⁸⁹, – выписывает книжник-старообрядец слово св.Нифонта, очередной раз убеждаясь в том, что «последние времена» уже наступили.

Самобытность старообрядчества проявилась в объединении несовместимых стремлений: пустынножительство, предусматривающее полное одиночество, вылилось в форму многолюдной общинной организации – киновии, при этом соблюдались не монастырские, но «пустыннические» или скитские формы существования (устав). Несомненно, подобные переходные формы (пустыня–скит–монастырь) имели место и в Древней Руси, однако выговские отцы избегали называть свое общежитие монастырем (по сути организационно являющееся таковым), боясь вмешательства официальной Церкви. Принципиальное же отличие в понимании «пустыни» в старообрядческом представлении и традиционном, древнерусском, состояло в том, что «до раскола» инок, уходя в пустыню, расширял

---

⁸⁹ Нач.: «Да еще вопрошаю тя, отче, повеждь есть ли по всей земле святии...». См.: НБ УРГУ. VI.10р/341. Л.136–137 об.

христианское пространство, связывая себя с миром посредством молитвы за мир, старообрядческая же пустынь, как единственно спасаемая форма бытия принципиально обособляет себя от мира, который, по убеждениям староверов, погибает в антихристовой прелести. В сочинении диакона Феодора Иванова «Послание сгера от христиан, ведущаго Божественное Писание, по вопрошению к другу некоему о последней антихристовой прелести, по чему познати ...и в коей пестроте видимы прелести его» говорить об оскудении и иноческой жизни в «последние времена»: «монастыри состроются и монахи собираются, а иноческое жительство разоряется и отовсюду иноки изгоняются...»⁹⁰ (легко заметить неслучайное противопоставление монашество-иночество, монахи-иноки). Пустыня явилась «альфой и омегой» – «началом и концом», последним прибежищем истинных иноков.

Идея пустынночества в старообрядческом движении, почти идеально воплотившаяся в Выговской пустыне и на территории Олонецких и Каргопольских земель рубежа XVII – XVIII вв., имела свое продолжение и в последующих поколениях старообрядцев. На Урале и в Сибири пустынножительство, отразившееся в агиографических источниках и народных легендах, существовало вплоть до настоящего времени⁹¹.

Следует указать на несомненное отличие идеальной картины пустынночества от реальных форм, в которые это движение выливалось. Бегство от мира на практике превращало пустыню или скит в элемент социоструктуры и было в социально-экономическом плане задействовано в производстве, торговле и т.п.

Сама идея пустынночества нашла яркое отражение в духовных стихах о пустыне, широко бытовавших в старообрядческой среде. Наиболее популярными стихами были печально-проникновенные по содержанию и мелодической структуре стихи «О пустынноике Варлааме и царевиче Иосафе». В основе пустынноческой духовной лирики лежит противопоставление «прелестнаго мира» и «пустыни», ласково-любовно называемой («мати», «любезная моя дружина», «О, прекрасная пустыня»⁹²). В «пустыне» духовного стиха есть атрибуты рая (райские пташки), не случайно ей дается тот же эпитет – «прекрасная», – что и раю⁹³. Пустыня, часто посещаемая ангелами, Пресвятой Богородицей и самим Господом, являлась «зоной перехода» от земли на небо⁹⁴. В одном духовном стихе пустынноик плачет о том,

⁹⁰ НБ УрГУ XVII.67р/4019. Л.100–118.

⁹¹ Например археографы УрГУ в 1980-х гг. в полевых дневниках (экспедиция 1983 г.) фиксируют существование скита под Нижним Тагилом на территории Синегорского леспромхоза.

⁹² НБ УрГУ. XVII.93р/4214.

⁹³ Никитина С.Е. Устная народная культура и языковое сознание. М., 1993. С.118.

⁹⁴ Там же. С.119.

что «потерял ключи от Церкви, потерял Книгу Златую»⁹⁵. Здесь с помощью традиционной народной лексики выражается печаль по утрате благодатных таинств Церкви. Сам Господь идет навстречу старцу, выслушивает его «горе-печаль» и дает совет истинного спасения: «... воротися во *пустыню*, затворися, со слезами Богу помолися...»⁹⁶.

На наш взгляд, тема «пустынного жития», положенная в основу идеологии старообрядчества первыми приверженцами «древлего благочестия», во многом обусловила характер старообрядческой книжно-рукописной традиции XVII – XX вв.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

ОПИСАНИЕ КОНЧИНЫ ПРП. НИКОДИМА ИЗ «ЖИТИЯ НИКОДИМА КОЖЕОЗЕРСКОГО, ХОЗЬЮГСКОГО ЧУДОТВОРЦА»

Краткая редакция (I вариант – список втор. пол. XVII в.)

...1639 месяца мая в 19 день изнемог, оставь пустыню от многого воздержания и старости приде в Кожеозерскую обитель и пребысть в ней 40 днии. И часто бывает причастник пречистых и животворящих Тайн // Господа Бога и Спаса нашего и Господа Иисуса Христа и, тако в добре исповедании преставися того же лѣта месяца июля в 3 день.

ГИМ. Синод. собр. № 850. Л. 532 об.–533

Краткая редакция (II вариант – список рукописного Пролога конца XVII в.)

... Посем же от многого воздержания и старости изнеможе, прииде паки в Кожеозерскую обитель и пребысть 44 дни. И преставися месяца июля в 3 день, и погребен бысть близ церкви с полуденную страну....

СыктГУ. У-Ц 246 р. Л. 118 об.

Пространная редакция (список 1741 г.)

...и преподобный отец наш Никодим прииде из пустыни в монастырь... // в то же время игумен с братиею изыде ис трапезы и ощутиша необычное благоухание, и зело о сем чудящися... и поидоша к келлии и милостивовше, преподобный же ничтоже отвещеваше к ним. Игумен же и вся братия внидоша в келлию и обретоша преподобнаго уже скончавшася о Господе...

РНБ. Солов. собр. 182/182. Л.60–60 об.

⁹⁵ Нач.: «Идет старец со пустыни...» См.: НБ УрГУ. X1.6р/485. Л.21–21 об.

⁹⁶ НБ УрГУ. X1.6р/485. Л.21 об.

ЖИТИЕ НИКОДИМА КОЖЕОЗЕРСКОГО⁹⁷

Л.143 Месяца июля в 3 день. Житие и подвизи и отчасти сказания о чудесах преподобного отца нашего Никодима // Хозыюгского пустынножителя, Кожеезерского чудотворца.

Л.143 об. Яко же убо царьския утвари златом украшени, многоценным камением веселят очи, зрящих//на тя, паче же сих духовная красота, в ней же праздники сотворяемы в память(ь) святых, веселят верных сердца и души освящают. Вся убо сия человеколюбцу Богу на ползу нам творящу.//Сей преподобный отец наш Никодим родися близ града Ростова в вси, нарицаемой Иванково и нареченно бысть имя ему во святом крещении Никита. От благочестивых родителей родися духовным же//рождением. Блаженный же Никита по преставлении родителей своих прииде в царствующий град Москву, трудяся и делая своима руками, и с ним питашеся, излишня же нищим подаваше.

Л.144 Л.144 об. Имяше же близ себе живуца человека, пришельца же//от града Твери. Человек же той имея у себе жену, бяше же блудница и зело прокудива. Во един убо от дней свари та блудная жена некоторую ядь, именуемую кисель, со отравою,//во еже уморити мужа своего злою смертию. Прииде человек той в дом свой, поим с собою и блаженного Никиту, яко да обедует с ним в дому. Не ведый ничто же о сих, яже злостряная жена его сотвори.//Яде же человек той ядь и от сего умре. Яде же с ним и блаженный Никита, и от сего болезнь велию во утробе своей, и бысть в болезни той время немало, обаче сохрани его Бог от злыя тоя смерти, яже пострада подруг.

Л.145 об. И оставляет убо мир сей//и яже в нем суетная вся века сего, и приходит блаженный Никита в монастырь великаго Божия архистратига Михаила, иже Чюдов наричется, ко архимандриту Пафнотию и, моляся ему со многим смирением, да облечет его во иноческий образ. Видев же Пафнотий благое его произволение и моление,//сподобляет аггелскаго образа, и нарече имя ему Никодим. Прием же его Пафнотий себе во ученичество. Блаженный же Никодим со отъятием влас и всю волю свою отверг и во всем отца своего послушаше, и велми преподобный подвижашеся, и бысть ту всеми любим, и почитаем, и хвалим.//Преподобный же Никодим не хотя славою земною будущия славы лишитися, и вменяше се быти в грех. Рече бо великий Афанасий: «Яко же ржа снедает железо, сие снедает и инок от славы человеческия».

Л.147 Л.147 об. Отъиде убо преподобный от обители тоя во внутреннюю пустыню//на реку, именуемую Хозыюга, округ имея блата и мхи. Устроив же преподобный келийцу себе малу, токмо в меру единого человека, близ реки Хозыюги на край блата. И нача жити в пощении и бдении и молитве со многими сле//зами, и никогда же уста его праздна бываху от славословия Божия. Многа же прият от бесов досаждения, хотяше бо преподобного отлучити от места. Он же Божией благодати никако же устрасиша. Бдение же его толико бяше, яко мало сна приимаше, и сего//не на ложи, но стояща ужема поддержим. Аще же когда утруждаеся ногама, то седа мало поспаша.

Л.148 Л.148 об. Л.149 Л.149 об. Отъиде убо преподобный от обители тоя во внутреннюю пустыню//на реку, именуемую Хозыюга, округ имея блата и мхи. Устроив же преподобный келийцу себе малу, токмо в меру единого человека, близ реки Хозыюги на край блата. И нача жити в пощении и бдении и молитве со многими сле//зами, и никогда же уста его праздна бываху от славословия Божия. Многа же прият от бесов досаждения, хотяше бо преподобного отлучити от места. Он же Божией благодати никако же устрасиша. Бдение же его толико бяше, яко мало сна приимаше, и сего//не на ложи, но стояща ужема поддержим. Аще же когда утруждаеся ногама, то седа мало поспаша.

⁹⁷ Текст публикуется по правилам, принятым ТОДРЛ, по списку 3-й четверти XVIII в. БРАН 33.3.27. (Сев.699). Л.143-157.

Выражаю признательность Е.Рыжовой за помощь в подготовке текста к публикации.

ше, тем же аки безплотен показася. Пища же ему бьяше былие пустынное, собираше и сим питашеся. Ловяше же и рыбу малою удицею. Егда же хотя//ше рыбы вкусити, прежде квасяше ю, дондеже червием от нея изходити.

Прелукавый же диявол, не терпя на долзе от святого себе досаждаема, начат подвизати рать на преподобнаго. Идяше бо некогда преподобному к реце почерпсти воды и видит на край брега жену, лежащу мертву//в червленое одеяну. И помысли преподобный: «Откуда и како, никакого пути не прилежит, а сей труп обретеся в непроходимой сей пустыни?» И уразуме, яко бесовское мечтание есть, и прекрестися крестным знамением и, ударив жезлом своим по явльшейся ему жене, сведый//о сем, яко прелесть есть и абие древо гнило.

Иногда же диявол прииде с привидением к нему со многжайшими силами и всякими видами, велми ревуше и зубы своими скрегчюще, и глаголюще: «Изыде, окаянне, ис пустыни сея! Что ти есть приобретение//в пустыни сей?» И помысли окаянный: «То и не волею изыдет, яко сотворю ему сице». И прииде окаянный, и келию преподобнаго огнем запали. Преподобный же Никодим, видев велию беду сию, поверже себе на землю, со многими слезами начат молитися//Господеву, сице глаголя: «Не посрами мя, Господи, раба твоего в час сей, но сотвори со мною по кротости Твоей. Аще, Господи мой, и огнем сим сожжен буду, из келлии же мояе никако же изыду, Твоя ради любве, и да сопречтуса святым Твоим мучеником, иже Тебе ради плоти своя// огню предающе». Видев же Господь веру и терпение преподобнаго своего, запрети огню невидимою своею силою. И вскоре прииде от запада туча велия со многим дождем над келию преподобнаго, и аки река излилася на ню и, абие погасе огонь. Хранит бо Господь преподобных своих!//

Иногда же паки молящуся преподобному лукавии же демони преобразившеся в человеческий образ, приидоша к преподобному аки лютии разбойницы и, еже что обретоша//у преподобнаго нужная потребная, все пограбивше, поидоша по пустыни. Преподобный же никак о сем поскорбех, но все упование возложи на Господа, и пребысть, аки//столи непоколебим, моляся Богу.

И паки ину рать немалу возставляет диявол на преподобнаго, устрашая сго, яко да отгьдет от места того. Воду убо, яже//в реце Хозьюге, ратник возставляет на преподобнаго. Толико убо возвысися вода, яко ту сущия бреги потопа. Обыде же и келию преподобнаго,//бьяше бо близ реки тоя. Толико потопа ю, яко в мале видети ю. Преподобный же, взял икону Пречистыя Владычицы нашей Богородицы, сю же благослови его отец//его митрополит Пафнотий, и възде на малую свою келию и ту, яко на столпе стояще и молящеся прилежно Всемилоствому Богу//и Пречистой Его Богоматери, донде же умалися вода и вступи в пределы своя, и потече, яко же и прежде.

И близ же келии бьяше ископана яма глубока,//и ту преподобный часто вхождаше и Богу молящеся в сокрушении сердца. Некогда же вшедшу в яму ону и пребысть в ней четырдесят дней,//моляся, не ядый, ни пия ничто же, питаем благодатию Божию, и тако скончася.

Богу нашему слава, ныне и присно и во веки веком .
Аминь.